

УДК 811.161.1(089.3)

Е.Е. Иванов

О ПОНЯТИЯХ «РЕЧЕВОЙ» И «ЯЗЫКОВОЙ» АФОРИЗМ

В статье дается определение афоризма как автосемантического высказывания генерализованной семантики, которое синтаксически эквивалентно предложению и может либо производиться, либо воспроизводиться в речи; анализируется отношение афоризмов к языку и к речи; критикуется отнесение к элементам языка только тех афоризмов, которые входят в состав паремиологического минимума; определяются методологические ошибки выявления паремиологического минимума русского языка; предлагается противопоставлять «речевые» и «языковые» афоризмы не только как производимые vs. воспроизводимые в речи, но еще и как окказиональные vs. узуальные единицы; как языковые единицы (элементы языка) определяются все воспроизводимые афоризмы, характер функционирования которых не является индивидуально-речевым, в том числе и афоризмы территориальных и социальных диалектов, устаревшие устойчивые афоризмы и афористическая неологика; дается оценка количественного состава языковых афоризмов в русском языке.

Афоризм – это краткое изречение (синтаксически эквивалентное предложению), в котором выражается какая-либо обобщенная мысль автосемантического характера (не требующая для своего понимания какого бы то ни было контекста).

Все прецедентные афористические высказывания (воспроизводимые в речи в «готовом» виде) по степени своей распространенности в речи делятся на две категории – индивидуально-речевые и общеязыковые. К первым, по мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, относятся афоризмы, употребление которых в речи по разным причинам ограничено и которые не являются достоянием всех носителей данного языка на определенном этапе его исторического развития. Иначе говоря, они не обладают «массовой воспроизводимостью», поскольку «не выходят за пределы местного бытования или даже остаются достоянием отдельных лиц», в отличие от тех афоризмов, которые «известны повсеместно и активно употребляются в речи, получая тем самым право называться элементами общенародного языка» [1, с. 73].

В этой связи вызывает серьезные сомнения репрезентативность, во-первых, противопоставления общеязыковых и индивидуально-речевых афоризмов (как, соответственно, единиц языка и единиц речи) только на основании оппозиции массовый vs. не массовый характер их воспроизводимости, во-вторых, определения данной оппозиции, исходя только из их известности или неизвестности, по словам Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, «всем носителям языка», а в третьих, стремление ограничить объем афористического состава русского языка только тем «малым числом пословиц и крылатых слов (по подсчетам Г. Л. Пермякова, примерно 800–1500 единиц)», которые «всем известны и всеми употребляются в речи» [2, с. 6], получая тем самым «право называться элементами общенародного языка», в противопоставление единицам, которые «не выходят за пределы местного бытования, или даже остаются достоянием отдельных лиц», и поэтому квалифицируются как «не более чем фольклорный и литературный материал» [1, с. 73].

Так, сама по себе общенародная известность того или иного афоризма вовсе не обязательно обуславливает его активное употребление в речи, а это значит и его «массовую воспроизводимость». Например, известный всем без исключения советским людям лозунг *Вся власть Советам!* уже в 1940-е годы потерял свою былую речевую актуальность первых лет советской власти (как символ новой жизни), а в настоящее время и вообще практически вышел из активного употребления, хотя и не утратил пока широкой известности, в частности, и среди тех, кто родился уже после распада СССР,

благодаря его упоминанию в школьных учебниках по истории России и существованию политически активной КПРФ (Коммунистической партии Российской Федерации).

В свою очередь, сама по себе массовая воспроизводимость того или иного афоризма совсем не обязательно предусматривает его общенародную известность (resp. каждому индивиду без исключения, владеющему данным языком как родным), хотя естественно предполагает известность широкому кругу носителей языка, поскольку активное употребление в речи прецедентного афористического высказывания не является обязательным показателем массового (в прямом смысле слова) характера его воспроизводимости. Поэтому такое явление, как «массовая воспроизводимость» тех или иных единиц, нельзя прямо соотносить с их «повсеместной известностью (всем носителям языка)» и «активностью в употреблении» (и наоборот) без предварительного уточнения данных понятий и объяснения объективного характера взаимодействия соответствующих лингвистических феноменов.

Под «массовой» воспроизводимостью следует понимать, безусловно, не только функционирование тех или иных устойчивых афористических фраз только на уровне общенародного языка (resp. всех форм и разновидностей его существования), что искусственно завышает планку критерия массовости vs. немассовости употребления. Массовым в терминах лингвистики следует считать функционирование единицы за пределами отдельно взятого идиолекта безотносительно того, насколько велико языковое окружение (от отдельного территориально и/или социально ограниченного языкового коллектива до целой нации). То же, видимо, можно сказать и в отношении «общеизвестности» как собственно лингвистического феномена, которую вместе с «массовой воспроизводимостью» следует определять как качество, присущее единицам афористического состава языка в большей или меньшей степени. Что же касается «активности» в употреблении афоризмов в речи, то она является лишь проявлением частотности тех или иных устойчивых фраз и не может служить ни основанием для определения массового vs. немассового характера воспроизводимости, ни тем более критерием разграничения материала языка и произведений речи.

Определение объема общеизвестных (и, соответственно, общеупотребимых) афористических фраз в русском языке от 800 до 1500 единиц, а это значит и состава массово воспроизводимых русских афоризмов, которые на этом основании следует считать, согласно Е. М. Верещагину и В. Г. Костомарову, элементами общенародного языка, базируется на данных известного «паремиологического эксперимента» Г. Л. Пермякова, проведенного в начале 1970-х гг. [3]. Целью эксперимента было выявить т.н. «паремиологический минимум» русского языка – минимальный состав пословиц, поговорок и других устойчивых изречений, известных всем носителям русского языка (объем которых в итоге не превысил 500 единиц) [4, с. 154–166]. Однако контингент информантов паремиологического эксперимента был ограничен только жителями Москвы и Московской области, что не позволяет распространять его результаты на весь паремиологический состав русского языка, так как степень общеизвестности и распространенности единиц, которые вошли в «паремиологический минимум» Г. Л. Пермякова, значима, как справедливо заметил А. Крикман, только для «данного региона России» [5, с. 340].

Совершенно очевидно и то, что при противопоставлении общеизвестных афоризмов как «элементов общенародного языка» афористическим единицам, которые «не выходят за пределы местного бытования, или даже остаются достоянием отдельных лиц», и поэтому квалифицируются Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым как «не более чем фольклорный и литературный материал» [1, с. 73], допущено эпистемологически некорректное разграничение объектов изучения лингвистики, фольклористики, теории и истории литературы. Безусловно, все пословицы и поговорки безотносительно

степени их известности и распространенности являются предметом фольклористики (а точнее специального ее раздела – паремииологии), а все без исключения крылатые выражения – могут рассматриваться в терминах поэтики. В то же время пословицам и поговоркам «местного бытования» нельзя отказывать в принадлежности к элементам общенародного языка точно так же, как никому не придет в голову отказывать в принадлежности к общенародному языку диалектной лексике и фразеологии только на том основании, что они не выходят за пределы употребления в той или иной местности и неизвестны всем носителям языка.

В признании «элементами общенародного языка» только общеупотребимых афоризмов само понятие «общенародный язык» оказывается суженым только до литературной формы его существования, поскольку быть известными всем носителям языка могут элементы только литературного языка в силу его общеобязательности как одного из дифференциальных признаков. К формам же существования общенародного языка, как известно, помимо кодифицированного и некодифицированного вариантов литературного языка (resp. функциональных стилей и устной разговорной речи), относятся также его территориальные и индивидуальные разновидности (resp. диалект и идиолект). Поэтому нет никаких оснований не рассматривать диалектную и идиолектную афористику в отрыве от общенародного языка и, тем более, за пределами лингвистики (что, кстати, уже не вызывает сомнений на практике, в частности, при лексикографическом описании диалектных пословиц и поговорок [6; 7] и включении индивидуально-авторской афористики в словари художественных идиостилей [8]).

Определенные возражения в этом смысле можно ожидать только в отношении тех индивидуально-речевых афоризмов, которые употребляются в литературной (преимущественно художественной) речи и традиционно относятся к объектам литературоведческого анализа, а в терминах лингвистики рассматриваются, как правило, с точки зрения их семантической, грамматической и стилистической структуры как наличные тексты или как элементы литературных текстов. Правильнее, однако, было бы противопоставлять «индивидуально-речевые» (или же просто «речевые») vs. «общеязыковые» (или же просто «языковые») афоризмы не столько по критерию производимости vs. воспроизводимости в речи, сколько в плане оппозиции окказиональное vs. узуальное в общенародном языке. Это позволит описывать индивидуально-речевые афоризмы не только как тексты, но и как единицы речи, которые по своим структуре, правилам порождения и условиям функционирования изоморфны афористическим единицам языка, т. е. как результат действия системы языка.

Кроме сужения понятия «общенародный язык» до его литературной формы существования проигнорированными осталась такие существенные разновидности общенародного языка, как его социальные диалекты (разнообразные сленги, жаргоны, аргос и т.п.) и устная разговорная речь, в составе которых устойчивые фразы (в том числе и афористические) занимают весьма заметное место [9; 10; 11, с. 12–13, 25–27, 64–67].

Таким образом, к общеязыковым афористическим единицам следует относить все воспроизводимые афоризмы, если характер их функционирования не имеет индивидуально-речевой природы.

Во-первых, это все пословицы безотносительно степени их известности и распространенности, в том числе и все диалектные и социолектные. Ср.: *Вор – раб судьбы, но не лакей закона* (афоризм из русского воровского аргоса [10, с. 335]); *Закон – тайга, прокурор – медведь* (пословица из русского тюремно-лагерно-блатного жаргона в значении 'Миром правит сила и произвол' [10, с. 336]); *<А> одним судьба – карамелька, <а> другим судьба – одни муки* (афоризм из аргоса «митков» и их последователей [11, с. 16]); *Кто по городу не ходит, тот четыре кона водит* (выражение из детской речи, которое обычно говорится при игре в прятки тому, кто водит, но не отходит далеко в поиске спрятавшихся игроков [9, с. 80–81]); *Лучше журавль в небе, чем утка под кро-*

ватью (шутливая переделка известной пословицы *Лучше синица в руке, чем журавль в небе*, употребляемая в речи медиков); англ. *Sticks and stones may break my bones, but words will never hurt me* (пословица, возникшая еще в XIX веке, функционирует с тех пор главным образом в детской речи) [12, prov. 615]; польск. *Przez żołądek do serca* (пословица, употребляемая преимущественно в женской речи, как практический совет ‘Лучше кормить мужчину для того, чтобы он всегда любил свою женщину’, ср. аналогичное рус. *Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок*, англ. *The way to a man's heart is through his stomach* [12, prov. 718]); бел. *Ваўка катом не страшаць* (пословица со значением ‘Нет оснований бояться того, кто не страшен’ [6, с. 102], употребляемая в Щучинских говорах Беларуси); *Каму што, а бабе яйцы* (пословица со значением ‘Кого что больше всего волнует, тот про то и говорит’ [6, с. 104–105], употребляемая в Дубровенских говорах Беларуси) и т. п.

Во-вторых, это все как устаревшие, так и новые (неологизмы) пословицы, крылатые выражения и иные устойчивые в речи афористические фразы. Ср.: *Что ж песни петь бросили? Давайте гуляйте, гулять дело доброе, нынче-то живы, а чего завтра будет – кому ведомо? Разбойник – живой покойник* (Ю. Герман, “Россия молодая”) ⇐ *Разбойник – живой покойник* (пословица кодифицируется в современных паремииологических словарях как устаревшая [13, с. 273]); *В литературной среде прошлого века исключительной популярностью пользовался также другой образ поэзии Батюшкова – строки из стихотворения “Счастливец” (1810): Сердце наше – кладезь мрачный: Тих, спокоен сверху вид, Но спустись ко дну... ужасно! Крокодил на нем лежит!* (С. Коваленко, “Крылатые строки русской поэзии”), в настоящее время это крылатое четверостишие полностью потеряло свою актуальность в речи и употребляется только в контексте исторических событий своего времени; *Без кайфа нет лайфа* (широко распространенное в устной речи паремийное новообразование 1970-х гг., где *кайф* – праздность, отдых, а *лайф* от англ. *life* – жизнь [9, с. 19]); *Хотели как лучше, а вышло как всегда* (ставшее весьма быстро популярным в русском языке крылатое выражение, восходящее к фразе «*Мы хотели как лучше, а вышло как всегда...*» бывшего премьер-министра России В. С. Черномырдина из телевизионного интервью по поводу обмена денежных купюр в августе 1993 г. [14, с. 393]²) и т. п.

Все такого рода афоризмы представляют собой языковые клише и входят вместе со словами и фразеологизмами в состав номинативных единиц языка. Показательно, что на практике понимание территориально и социально локализованных устойчивых афористических фраз как единиц общенародного языка уже вошло в лингвистический обиход и находит свое отражение в специальных словарях диалектной, разговорной, жаргонной и т. п. афористики и фразеологии [6; 7; 9; 10]. Отставание же от практики соответствующих теоретических представлений об объеме афористического состава языка можно объяснить только неразработанностью общей лингвистической теории афоризма.

К индивидуально-речевым афоризмам следует относить все нерегулярно цитируемые в речи непрецедентные афористические высказывания (как известных деятелей литературы, культуры, науки, общественной жизни и т. д., так и обычных носителей языка), а также прецедентные афоризмы в рамках идиолекта их автора (которые можно определить как «идиолектных клише»). Ср.: *Лесной надзиратель <...> в этот час сидел над старинными книгами. <...> Его отец-лесничий оставил ему библиотеку из дешевых книг самых последних, нечитаемых и забытых сочинителей. Он говорил сыну, что*

² Кстати, авторство В. С. Черномырдина вопреки распространенному мнению здесь весьма сомнительно. Скорее всего, он лишь повторил перед широкой аудиторией это остроумное выражение, которое до того не один год гуляло по политическим тусовкам и которое молва приписывает известному польскому политику эпохи социализма Эдварду Гереку (1912–2001) [15].

решающие жизнь истины существуют тайно в заброшенных книгах (А. Платонов, “Чевенгур”); *Ничто нас в жизни не может Вышибить из седла, – Такая поговорка У майора была* (К. Симонов, “Сын артиллериста”); польск. *W maksymie etycznej Kanta, że człowiek człowiekowi może być tylko celem, leży podwalina metodologii nauk społecznych* (S. Brzozowski) [16, s. 67]; бел. *У нас сёння дзень не прапаў дарма, бо ў гэты дзень мы многа смяліся, – заўважыў Лабановіч. – Ніціз вуснамі свайго Заратустры казаў: “Той дзень, калі вы не смеяцеся, прападае для вас”* (Я. Колас, “На ростанях”) и т. п.

Общеязыковых афоризмов значительно меньше, чем индивидуально-речевых, и их количественный объем поддается определению. Минимальное число пословиц, крылатых выражений и иных устойчивых фраз (в том числе афористических) на уровне идиолекта составляет, по мнению Г. Л. Пермякова, от 20 до 50 единиц [4, с. 209]. «Паремиологический минимум» общенародного языка определяется обычно в количестве не менее 300 [17; 18] и не более 500 [4, с. 154–166] единиц. Основной паремиологический фонд русского языка в его ядерной части составляют свыше 220 единиц, которые наименее подвержены изменениям по времени [19]. Объем крылатых афоризмов, по данным существующих словарей, колеблется от 800 до 1200 единиц [20; 21]. Состав афористических единиц современного русского литературного языка можно определить от 6000 до 7000 единиц [22] (на материале письменных текстов разной функционально-стилистической принадлежности XIX – XX веков). Объем языковых афоризмов русского общенародного языка составляет десятки тысяч единиц и еще ждет своего точного определения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верещагин, Е. М. Национально-культурная семантика языковых афоризмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1990. – С. 71–80.
2. Костомаров, В. Г. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре / В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин // Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь / под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1988. – С. 4–17.
3. Пермяков, Г. Л. Паремеиологический эксперимент. Материалы для русского паремеиологического минимума. 1500 русских пословиц, поговорок, загадок, примет и других народных изречений, наиболее распространенных в живой разговорной речи / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1971. – 48 с.
4. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремеиологии / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1988. – 236 с.
5. Крикман, А. Паремеиологические эксперименты Г. Л. Пермякова / А. Крикман // Малые формы фольклора: сб. статей памяти Г. Л. Пермякова / сост. Т. Н. Свешникова. – М. : “Восточная литература” РАН, 1995. – С. 338–382.
6. Прыказкі // Лепешаў І. Я. З народнай фразеалогіі: дыферэнцыяльны слоўнік. – Мн. : Навука і тэхніка, 1991. – С. 99–109.
7. Словарь псковских пословиц и поговорок: 13000 единиц / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2001. – 176 с.
8. Іваноў, Я. Я. Афарыстыка мовы мастацкага твора (паэма Якуба Коласа “Новая зямля”): лексікаграфічны аспект / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – 84 с.
9. Белянин, В. П. Живая речь: словарь разговорных выражений / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. – М. : Изд-во ПАИМС, 1994. – 183 с.

10. Поговорки, пословицы, прибаутки, употребляемые в лагерно-блатной среде // *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы* / авт.-сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. – М. : Края Москвы, 1992. – С. 334–341.
11. Шинкарев, В. Митьки / В. Шинкарев // *Митьки: Выбранное: сборник* / сост. П. В. Крусанов. – СПб. : Канон, 1999. – С. 11–68.
12. Ridout, R. *English Proverbs Explained* / R. Ridout, C. Witting. – London: Pan Books LTD, 1969. – 223 p.
13. Жуков, В. П. *Словарь русских пословиц и поговорок* / В. П. Жуков. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1991. – 534 с.
14. Душенко, К. В. *Словарь современных цитат: 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка* / К. В. Душенко. – М. : Аграф, 1997. – 632 с.
15. Зозуля, В. Умер автор знаменитой фразы: «Хотели как лучше...» / В. Зозуля // *Комсомольская правда*. – 31 июля 2001. – № 136 (22601). – С. 3.
16. Brzozowski, S. *Aforyzmy* / S. Brzozowski / wyb. i słowo wstęp. A. Mencwel. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1979. – 107 s.
17. Пермяков, Г. Л. 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок = 300 общоупотребителни руски пословици и поговорки: для говорящих на болгарском языке / Г. Л. Пермяков. – М.: Русский язык; София : Народна просвета, 1986. – 128 с.
18. Permjakow, G. L. 300 *allgemeingebräuchliche russische Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten: ein illustriertes Nachschlagewerk für Deutschsprechende* / G. L. Permjakow. – 3., unveränderte Aufl. – Leipzig : VEB Verlag Enzyklopädie, 1989. – 160 S.
19. Иванов, Е. Е. “Основной паремиологический фонд” русского языка и его соотношение с “паремиологическим минимумом” / Е. Е. Иванов // *Eigenes und Fremdes in der Slavia: Festschrift für Ewa Komorowska zum 50. Geburtstag* / Hrsg. v. Ursula Kantorczyk und Harry Walter; Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Institut für Slawistik. – Greifswald, 2007. – S. 115–118.
20. Ашукин, Н. С. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – 4-е изд., доп. – М. : Художественная литература, 1987. – 257 с.
21. Берков, В. П. *Большой словарь крылатых слов русского языка* / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Р. Шулежкова. – М. : Русские словари; Астрель; АСТ, 2000. – 624 с.
22. Иванов, Е. Е. К проблеме создания словаря афористических единиц русского языка / Е. Е. Иванов // *Современные проблемы лексикографии: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дубичинского*. – Харьков : ХЛЮ, 1992. – С. 184–187.

Ivanov E. The Concepts of a «Language» and «Speech» Aphorism

The definition of an aphorism is given in this article. It is an auto semantic expression which is equivalent to a sentence and it can either be made, or be reproduced in speech. The relation of aphorisms to language and speech is analysed. The author states that not only the aphorisms which form paremiological minimum can be referred to elements of language. It is offered to oppose «speech» and «language» aphorisms not only as made i.e. reproduced in speech, but also as occasional i.e. usual units. All reproduced aphorisms, which character of functioning is not individual-speech including aphorisms of territorial and social dialects, obsolete steady aphorisms and aphoristic neologisms are defined as language units (language elements). The estimation of quantitative structure of language aphorisms in Russian is given.